

Научная статья

УДК 340.11

ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЕ ПРАВО: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ (часть 1)

Бертовский Л. В.

Институт высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук,
Национальный исследовательский университет «Московский институт
электронной техники», г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые направления эволюции высокотехнологичного права как этапа развития правовой системы, характеризующегося, с одной стороны, внедрением высокотехнологичных решений в правоприменение (суд, полиция, исполнительное производство), а с другой – расширением нормативной регламентации взаимодействия общества с цифровыми и робототехническими системами. Показано, что российская модель цифровой трансформации правосудия в настоящее время в большей степени находится на стадии автоматизации и формирования единого информационного пространства, а внедрение искусственного интеллекта должно сопровождаться требованиями объяснимости, проверяемости, киберустойчивости и ясного распределения ответственности. Отдельное внимание уделено рискам нарушения прав человека при использовании видеонаблюдения, биометрии и предиктивной аналитики, а также социально-правовым последствиям роботизации производства для трудовых прав. На основе сравнительного анализа зарубежных подходов (включая риск-ориентированную модель ЕС) и отечественных инструментов (экспериментальные правовые режимы) формулируются предложения по дальнейшему развитию регулирования, включая конституционно-правовые гарантии приоритета человека над автономными системами и совершенствование механизмов защиты данных и доступа к правосудию.

Ключевые слова: высокотехнологичное право, цифровизация, искусственный интеллект, электронное правосудие, видеонаблюдение, биометрия, предиктивная аналитика, роботизация, трудовые права, экспериментальные правовые режимы, ответственность, права человека.

© Л.В. Бертовский, 2026

HIGH-TECH LAW: NEW HORIZONS (Part 1)

Bertovsky L. V.

Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University "Moscow Institute of Electronic Technology", Moscow, Russia

Abstract. *The article explores key vectors in the evolution of high-tech law as a stage of legal development characterized by (i) the deployment of advanced technologies in law enforcement and adjudication (courts, policing, and enforcement proceedings) and (ii) the expansion of legal regulation governing society's interaction with digital and robotic systems. It argues that Russia's judicial digital transformation is still largely focused on automation and the gradual creation of an integrated data environment, while any use of artificial intelligence in procedural decision-support must be constrained by requirements of explainability, verifiability, cyber-resilience, and a clear allocation of liability among developers, operators, and public authorities. The paper highlights human-rights risks associated with large-scale video surveillance, biometrics, and predictive analytics, as well as the impact of industrial robotization on labor rights. Drawing on a comparative assessment of the EU's risk-based regulatory model and Russia's experimental legal regimes, the article proposes policy and legal priorities, including constitutional-level safeguards affirming human primacy over autonomous systems and stronger mechanisms for data protection and access to justice in the event of digital channel failures.*

Keywords: *high-tech law, digitalization, artificial intelligence, e-justice, video surveillance, biometrics, predictive analytics, robotization, labor rights, experimental legal regimes, liability, human rights.*

Прошло уже почти пять лет с тех пор, как вышла статья в Вестнике РУДН (серия: Юридические науки) «Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы» [1], в которой впервые было сформулировано определение этого социального феномена как логистического, наукоемкого и технологического регулятора общественных отношений, который, с одной стороны, использует высокие технологии в процессе правоприменения, а с другой – регламентирует возникающие с ними отношения. Для нашего бурного времени пять лет – это большой срок. Сейчас уже можно с

уверенностью сказать, что указанное понятие прочно вошло в юридический лексикон. Появился Институт высокотехнологичного права; с большим успехом и на очень представительном уровне прошли шесть международных научных конференций; зарегистрирован одноименный журнал; опубликованы результаты исследований, посвященных тем или иным аспектам данного правового явления [2].

На шестой конференции были подведены некоторые итоги использования высоких технологий в праве, теперь стоит более подробно изучить этот опыт и попробовать спрогнозировать направления дальнейшего развития высокотехнологичного права и возможные проблемы, которые могут при этом возникнуть.

Как отмечалось выше, высокотехнологичное право – это этап развития права, в котором важнейшими элементами становятся: использование высокотехнологичных систем в правоприменении и развитие нормативной регламентации взаимодействия с ними социума.

Что касается первого, то следует отметить, что высокие технологии в судопроизводстве сегодня – это не просто перевод документов в формат PDF. Речь идет о полном цикле процессуального взаимодействия в цифровой среде: от запуска судопроизводственной деятельности (обнаружения признаков преступления, осмотра места происшествия, подачи заявления или иска, идентификации участников и пр.) до формирования высокотехнологичными системами предложений правоприменителю о разрешении конкретного юридического дела, а также далее принятия им решения, получения судебных актов и контроля их исполнения. Значительное количество современных исследователей не совсем правильно понимает понятие цифровизации, смешивая его с понятием автоматизации. Цифровизация предполагает наличие единого информационного пространства для непрерывного обмена

данными между различными сферами деятельности и структурными подразделениями.

Это достигается за счет радикального изменения существующих моделей деятельности и внедрения современных информационных технологий, в частности Big Data, для обработки больших разнородных массивов данных, получения дополнительной информации из посторонних источников, анализа имеющейся информации, предложений по решению конкретных задач. Автоматизация же направлена на перевод текущих процессов в электронную форму и замену ручного труда роботизированными устройствами [3]. Таким образом, можно сказать, что автоматизация – это начальная ступень цифровизации и, по всей видимости, именно на этом этапе и находится сегодня отечественное судопроизводство, хотя стоит отметить, что для решения его задач уже появляются успешные примеры машинного анализа больших данных.

Анализ результатов деятельности правоохранительных органов свидетельствует о значительном расширении использования высоких технологий в полицейской практике как в России, так и за рубежом.

Проведенные исследования показывают, что наиболее часто высокотехнологические средства в полицейской практике в настоящее время используются для:

- видеонаблюдения и видеоаналитики (поиск по ориентировкам, «умные» камеры, трекинг объектов¹, анализ скопления большого количества

¹ Трекинг объектов (object tracking) в компьютерном зрении – это процесс идентификации и отслеживания объектов по мере их перемещения через последовательность видеок кадров или камер. В отличие от обнаружения объектов, которое сосредоточено на определении местоположения в отдельных статичных изображениях, трекинг поддерживает идентичность и траекторию движения объектов во времени.

людей на митингах, демонстрациях, фиксация и протоколирование правонарушений и др.);

- биометрии (технология, которая использует уникальные физические или поведенческие характеристики человека для идентификации личности. К таким данным относятся, например, отпечатки пальцев, рисунок радужки глаза, особенности строения лица, форма кисти, узоры вен, голос, ДНК и другие неповторимые индивидуальные признаки);

- аудио- и видеофиксации действий представителей власти (видеорегистраторы (body-worn cameras) и иные);

- применения беспилотников и робототехники (осмотр труднодоступных зон, мониторинг массовых мероприятий, поиск пропавших и др., в том числе для решения тактических задач при расследовании разных видов преступлений [4]);

- обнаружения, фиксации, изъятия и анализа цифровых следов, исследования различных мобильных и стационарных устройств, облачных данных и др. в целях выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений;

- аналитики больших данных и создания «предиктивных» моделей (оценка рисков, определение «горячих точек», где могут произойти правонарушения, связи между событиями и субъектами, распределение патрулей и пр.).

И это приносит свои плоды. Система видеонаблюдения в Москве была запущена 10 лет назад, с тех пор общее количество зарегистрированных в столице преступлений снизилось на 23,3 %, число преступлений, совершенных в общественных местах, снизилось втрое. Количество квартирных краж уменьшилось в 34,5 раза, разбойных нападений – в 10 раз, грабежей – в 10,5 раза, угонов транспортных средств – в 25 раз.

Несмотря на такие положительные результаты, внедрение и использование указанных систем не проходит гладко, а сопровождается значительным количеством случаев нарушения прав человека, в основном, таких, как:

- право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ). Так, только в Москве работает свыше 300 000 камер видеонаблюдения, и это далеко не самый высокий результат в мире. В Лондоне их свыше 630 000, а в Пекине – 1 300 000. Конечно, не обошлось и без утечек информации. Так, система «Безопасный регион», реализуемая в Московской области, попала в крупный скандал сразу после своего запуска. По причине масштабных утечек и критических уязвимостей, система «Безопасный регион» работала как «наводчик» для тех злоумышленников, кто интересовался распорядком дня жителей области, их имуществом и занятиями. По данным сотрудников правоохранительных органов, с использованием камер «Безопасного региона» координировался ряд громких заказных убийств и ограблений. Фактически, получить конфиденциальные данные граждан могли как представители криминала, так спецслужбы враждебных государств [5];

- свобода мысли и слова (ч. 1 ст. 29 Конституции РФ) и свобода собраний (ст. 31 Конституции РФ). Видеомониторинг митингов, одиночных пикетов, общественно-политической активности создает «охлаждающий эффект» – люди отказываются от законной активности из-за риска идентификации и последующего преследования.

Кроме того, нарушаются гарантии справедливого разбирательства и стандарт «достаточных оснований» для задержания: когда полиция

«перекладывает» решение на алгоритм, возникает эффект automation bias² – склонность считать машинный результат доказательством, а не ориентиром.

Настораживают, с точки зрения нарушения прав человека, и появляющиеся предложения о чрезмерном расширении практики внедрения высоких технологий в судопроизводство, в т. ч. и в стадию исполнения приговора. Так, один из авторов предлагает осуществлять «чипирование» осужденного путем подкожной имплантации микрочипа, что будет особенно значимо при загрузке в чип информации о самом факте осуждения данного лица, приговоре суда, состоянии его здоровья, возложенных на него обязанностях/правоограничениях, месте жительства/работы и иных его индивидуальных характеристиках и пр.; это позволит проверять указанные сведения в любое время сотрудниками органов внутренних дел и иных правоохранительных органов при наличии соответствующих технических средств доступа к подобной информации. Совершение же осужденным действий, не соответствующих предусмотренным в вышеуказанном моделировании, в частности, может быть основанием для увеличения его правоограничений, в том числе путем применения мер взыскания, наложения дополнительных обязанностей, изменения вида исправительного учреждения либо замены вида наказания» [6].

В российской модели судебной цифровизации явно выделяются три «опорные» линии:

1) электронная подача и обмен документами (арбитражные суды – через «Мой арбитр», суды общей юрисдикции – через ГАС «Правосудие» и сопряженные механизмы);

² Под automation bias понимают неосознанную склонность человека слепо доверять решениям, предлагаемым компьютером, особенно если они связаны с выполнением рабочей функции.

2) цифровые уведомления и сервисы Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций) ЕПГУ (расширение каналов коммуникации государства и участников процесса);

3) дистанционные форматы заседаний и поддерживающие технологии (веб-участие, протоколирование, аудио/видеофиксация, вспомогательная аналитика).

При этом правовая «несущая конструкция» электронного судопроизводства строится вокруг признания юридической силы электронных документов при надлежащем подписании и подтверждении волеизъявления, а также вокруг требований к открытости судебной деятельности.

Началось и постепенное внедрение искусственных интеллектуальных систем в практику российских судов [7]. Это уже не «фантазия», а набор прикладных решений – от расшифровки заседаний у мировых судей до автоматизации приказов и обработки административных материалов (Ростовская и Амурская области, пилотные проекты в регионах), и основная задача заключается в реализации их так, чтобы ускорение процесса не пошло во вред таким гарантиям, как: проверяемость, право на замечания, равный доступ, безопасность данных и понятная ответственность.

Дальнейшее внедрение ИИ в процесс подготовки проектов судебных актов пока под вопросом, и этому несколько причин. Во-первых, отсутствует отработанная технология объяснимого искусственного интеллекта³. Во-вторых, на достаточно слабом уровне проводится оцифровка архивных дел, информация из которых является базовой для формирования ИИ

³ Объяснимый искусственный интеллект (Explainable AI, XAI) – направление исследований в области искусственного интеллекта (ИИ), которое стремится создать системы и модели, способные объяснять свои действия и принимать решения понятным для людей образом.

предложений по разрешению юридических дел. В-третьих, недооцененными остаются научные исследования, посвященные вопросам унификации судебных доказательств, являющихся краеугольным камнем цифрового судопроизводства.

Начальный этап цифровизации судопроизводства в России объективно повысил скорость и удобство взаимодействия с судами, но одновременно создал новую категорию рисков: технический сбой превращается в процессуальный риск, а киберинцидент – в фактор доступа к правосудию. Так, в октябре 2024 г. оказались временно недоступны сайты судов на доменах *arbitr.ru*, *sudrf.ru*, сайты мировых судей, ресурсы Судебного департамента; параллельно не работала электронная подача через модули «Электронное правосудие» и «Система подачи жалоб» (включая подачу через ЕПГУ). Особую тревогу вызывает ситуация с системой ГАС «Правосудие», в которой, по имеющейся информации, отсутствует протокол защиты, что делает ее крайне уязвимой для внешних воздействий и ставит под сомнение достоверность и целостность хранящейся в ней информации [8]. Проблемы с доступом к документам, нарушенными сроками и «потерявшимися» электронными жалобами показывают: дальнейшее развитие должно идти не только по пути увеличения и расширения онлайн-взаимодействия, но и по пути повышения устойчивости, единообразия и юридических гарантий на случай недоступности цифровых каналов. Внедрение цифровых технологий в юридический процесс сопровождается появлением в юридическом лексиконе новых терминов, одним из которых является термин «цифровое неравенство» и синонимичные ему «цифровой барьер», «цифровой разрыв», в целом, по своему смыслу характеризующих доступность цифровой среды и свободу действия в ней для широкого круга граждан. Оно не должно создавать дополнительных препятствий для доступа к правосудию лиц, не владеющих

или недостаточно владеющих цифровыми технологиями [9], особенно когда речь идет о лицах из числа социально уязвимых категорий населения [10].

Дальнейшее развитие получило и правовое регулирование высокотехнологичных систем в других сферах общественной жизни.

Одним из ключевых факторов развития промышленного потенциала страны является автоматизация производства, в чем не последнюю роль играет использование роботов.

Например, крупнейший в мире производитель аккумуляторов для электромобилей, китайская компания Contemporary Amperex Technology за счет внедрения человекоподобных роботов добилась увеличения в три раза количества собираемых аккумуляторов.

В России эксплуатационный парк промышленных роботов составляет более 20 тыс. устройств, а объем рынка промышленной робототехники оценивается в 8,2 млрд руб., что тоже приносит свои плоды. Так, на Магнитогорском металлургическом комбинате использование роботов на 349 процессах принесло предприятию свыше семисот тридцати миллионов рублей.

Лидером в мире по роботизации производства является Южная Корея – 1220 роботов на каждые 10 тыс. сотрудников. На втором месте Сингапур (818 роботов), на третьем – Китай (567), далее следуют Германия (449) и Япония (446), в России всего лишь 29 [11].

Правительство РФ разработало и реализует федеральный проект «Развитие промышленной робототехники и автоматизации производства» (2025-2030 гг.) в рамках национального проекта «Средства производства и автоматизации». Однако, несмотря на то, что скорейшая массовая роботизация производства является важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности, проектом предусмотрено достичь плотности

роботизации к 2030 году всего лишь в 145 единиц на 10 тыс. работников [12] и занять 25 место в мире, при этом передовые страны за пять лет в этом направлении уйдут далеко вперед.

Роботизация (промышленные роботы, роботизированные конвейеры/сортировщики, «софт-роботы» и ИИ-системы) ускоряет производство и логистику, но одновременно создает новые возможности для нарушения трудовых прав, среди которых анализ судебной практики позволил выявить наиболее часто встречающиеся:

- подмена правомерного сокращения работника «организационными изменениями». Так, сотрудник ООО «Алиса» (категорийный менеджер) обратилась в суд с иском: работодатель внедрял «нейротехнологии с участием ИИ», перевел сотрудницу на 2-часовой рабочий день с падением зарплаты, а затем оформил увольнение по основанию «отказ от продолжения работы при изменении условий», тогда как, по сути, речь шла об исчезновении самой потребности в должности. Суд признал нарушения: сотрудницу восстановили (апелляция часть сумм пересчитала, но ключевой вывод о неправильной процедуре сохранился) [13];

- перевод работников во внештатные режимы. Роботизированные склады требуют «гибкой» рабочей силы под пики нагрузок. Работодатели зачисляют работников не как штатных сотрудников, а исполнителями услуг по гражданско-правовым договорам, где нет гарантий отпуска и больничных, проще «расстаться за один день», сложнее защищать права по оплате простоя, переработкам, условиям труда;

- усиление контроля и применения «штрафных» санкций, ухудшение условий труда. При использовании роботов скорость конвейера увеличивается и одновременно увеличивается нагрузка на сотрудников;

- рост травматизма при совместной работе человека и машины. Чаще всего происходит в «серых зонах» взаимодействия человека и машины: временные обходы защит, отсутствие ограждений, работы в зоне действия манипулятора, недостаток процедур обесточивания механизмов при обслуживании, недостаточная квалификация персонала для работы с новой техникой.

Гражданско-правовое регулирование использования высокотехнологичных систем также нуждается в дальнейшем совершенствовании. Искусственный интеллект уже стал обычным инструментом гражданского оборота: он заключает сделки через интерфейсы, управляет транспортом и логистикой, генерирует контент, принимает решения о персонализированных предложениях и ценах. При этом российское гражданское право в основном «видит» ИИ как разновидность программного обеспечения и набора процессов, но не как самостоятельного участника правоотношений. На практике это порождает проблемы распределения рисков, доказывания, ответственности за вред, защиты нематериальных благ и интеллектуальных прав.

Российская модель регулирования в соответствии с Федеральным законом № 258-ФЗ сейчас во многом строится через экспериментальные правовые режимы (ЭПР), то есть путем специального регулирования, отличающегося от общего, вводимого программой ЭПР на определенный срок или территорию.

Это прагматично (можно тестировать технологии), но с точки зрения гражданского права порождает эффект «островков права»: в эксперименте – одни правила, вне эксперимента – пробелы.

Искусственный интеллект все активнее внедряется в вооружения и в контуры управления применением силы – от ПВО и беспилотных систем до

программ поддержки разведки и целеуказания. Это повышает скорость реагирования и масштабируемость операций, но одновременно обостряет юридические риски: ошибки распознавания «свой-чужой», снижение предсказуемости поведения систем, уязвимости к кибервоздействию, а также «размывание» ответственности между операторами, командирами и разработчиками.

Беспрецедентным по масштабу является использование систем искусственного интеллекта Израилем в войне с Палестиной. Еврейским государством использовались системы под названием «Лаванда», «Евангелие» и «Где папочка?». Основная их задача – анализ поступающей информации (спутниковые разведданные, банковские операции, фотографии, электронные письма, отметки местоположения, данные соцсетей, переписки и даже звонки) в режиме реального времени, а затем установление цели нанесения авиа- или ракетного удара, где, по их мнению, находятся боевики или их пособники. При ликвидации рядового члена ХАМАС, например, «Лаванда» допускает до 20 жертв среди мирного населения. Убийство же высокопоставленных военных чиновников и командиров может сопровождаться гибелью до 100 гражданских [14]. При этом оператор практически не имеет возможности проверить данные, представляемые системой и в автоматическом режиме осуществляет нанесение ударов по предложенным целям.

Практика использования искусственного интеллекта в военных целях – от ошибок автоматизированной ПВО до «алгоритмического целеуказания» показывает, что главная опасность ИИ в вооружениях, на настоящий момент, лежит не в фантастическом «восстании машин», а в ошибках, приводящих к наступлению большого количества общественно опасных последствий и

утрате контроля человеком над вооружениями при применении силы. Хотя и указанные «фантастические» сценарии нельзя сбрасывать со счетов.

В этой связи выглядят не такими уж нереалистичными слова главы OpenAI Сэма Альтмана об обеспокоенности темпами, с которыми ИИ меняет мир: «Меня беспокоят темпы изменений, происходящих в мире прямо сейчас. Этой технологии [ИИ ChatGPT] всего три года. Ни одна другая технология никогда не внедрялась в мире так быстро. Мы можем ошибиться и ИИ может быть использован злоумышленниками для причинения глобального вреда человечеству» [15].

Страны ЕС двигаются в направлении жесткого риск-ориентированного регулирования. Закон об искусственном интеллекте был одобрен 13 марта 2024 депутатами Европарламента с 523 голосами «за», 46 «против» и 49 воздержались. Он вступит в действие в полном объеме со 2 августа 2026 года, но большая часть действует уже сейчас. Цель закона, как утверждают разработчики, – защищать фундаментальные права, демократию, верховенство закона при использовании ИИ.

Новые правила запрещают использовать ИИ тогда, когда это угрожает правам граждан, включая системы биометрической категоризации на основе пола, расы, и других чувствительных характеристик, а также нецеленаправленный скрепинг изображений лица из интернета или записей с камер видеонаблюдения для создания баз данных распознавания лиц. Под запрет попали распознавание эмоций сотрудников на рабочем месте и школьников в школах, социальное оценивание, предиктивная деятельность полиции (если она основана исключительно на профилировании человека или оценке его характеристик), а также ИИ, манипулирующий человеческим поведением. Следует отметить, что есть и некоторые исключения из этих правил. Использование систем биометрической идентификации (RBI)

правоохранительными органами, несмотря на запрет, возможно в строго определенных (по времени, географическому охвату) случаях и только при условии предварительного судебного или административного разрешения. Такими случаями могут стать, например, целенаправленный поиск пропавшего человека или предотвращение террористического акта.

Содокладчик Комитета по гражданским свободам Драгос Тудораче (Renew, Румыния) сказал: «ЕС выполнил свою задачу. Мы связали концепцию искусственного интеллекта с фундаментальными ценностями, лежащими в основе наших обществ. Однако впереди еще много работы, выходящей за рамки самого Закона об ИИ. ИИ подтолкнет нас переосмыслить общественный договор, лежащий в основе наших демократий, наших образовательных моделей, рынков труда и способов ведения войны. Закон об искусственном интеллекте является отправной точкой для новой модели управления, основанной на технологиях. Теперь мы должны сосредоточиться на реализации этого закона на практике» [16].

В России с 2021 года Министерством цифрового развития разрабатывается Цифровой кодекс, который, по замыслу разработчиков, будет содержать нормы, регулирующие электронную коммерцию, облачные технологии, а также защиту потребителей в онлайн-среде и их персональные данные. Представление кодекса общественности для обсуждения ожидается в 2026 году. Даже абстрагируясь от столь затяжной процедуры сроков разработки, можно с уверенностью сказать, что готовящийся кодекс не решит большинства вопросов, возникающих при взаимодействии общества с высокими технологиями.

Анализ практики использования таких систем показывает, что в подавляющем большинстве случаев это влечет за собой негативное воздействие на уровень соблюдения прав человека, что требует

дополнительного нормативного регулирования на уровне основного закона нашей страны – Конституции РФ. О необходимости ее изменения говорят давно. Так, на Петербургском международном юридическом форуме (ПМЮФ) в 2024 году министр юстиции Константин Чуйченко заявил о необходимости корректировки ст. 13 главы 1 Основного закона: «Конечно, нам придется решить вопрос со статьей Конституции, где указано, что у нас нет ни государственной, ни обязательной идеологии».

В 2025 году во время сессии «Культура законотворческой деятельности» ПМЮФ заместитель председателя Государственной Думы РФ Петр Толстой заявил, что большинство мировых практик «не прижилось» в российском законодательстве, в связи с чем планируется внести «существенные изменения» в Конституцию РФ.

С нашей точки зрения, необходимо внесение изменений и во вторую главу Конституции РФ, в частности, в ст. 19, где гарантируется равенство прав и свобод человека и гражданина, следует добавить положения о приоритете человека над искусственными системами.

Однако, в соответствии с ч. 1 ст. 135 Конституции РФ «Положения глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием». Пересмотр осуществляется Конституционным собранием РФ. Проекты федерального конституционного закона № 1046036-7 «О Конституционном Собрании Российской Федерации» вносились депутатами ГД в 1997, 1998, 2000, 2007, 2020 и 2024 гг., однако до настоящего времени закон так и не принят. Поэтому, в соответствии с действующей Конституцией РФ, в первую очередь, необходимо принять указанный закон.

Затем, если Конституционное собрание приходит к выводу о необходимости внесения изменения в указанные главы, то начинается разработка проекта новой Конституции Российской Федерации.

По всей видимости, настало время корректировки и международной системы прав человека. Последние события в мире, конфликт Израиля и Палестины, похищение президента Венесуэлы вооруженными силами США по прямому указанию президента США Д. Трампа и пр. повлекли за собой международно-правовой нигилизм, в результате чего международные организации, включая ООН и связанные с ней структуры, практически утратили возможность реально влиять на мировые события. Поэтому возникла острая необходимость либо коренным образом реформировать ООН, либо принимать меры по созданию новой международной организации, основанной на принципах равноправия и строгого и неукоснительного исполнения требований международного права.

После этого необходимо в самые кратчайшие сроки принять новый Международный билль о правах человека, включив в него положения о приоритете человека над искусственным интеллектом и определив границы возможного вторжения в права и свободы человека при использовании искусственных интеллектуальных систем (тотальный контроль за средствами коммуникации, сбор данных в отношении неопределенного круга лиц, «цифровые концлагеря» и т. д.).

Библиография

1. Бертовский Л. В. Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 4. С. 735-749. DOI: [10.22363/2313-2337-2021-25-4-735-749](https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-4-735-749).

2. Высотехнологичный уголовный процесс: монография / под ред. С. В. Зуева, Л. Н. Масленниковой. Москва: Юрлитинформ, 2023. 216 с. EDN: [RZQAQW](#).

3. Массель Л. В. Современный этап развития искусственного интеллекта (ИИ) и применение методов и систем ИИ в энергетике // Информационные и математические технологии в науке и управлении. 2021. № 4 (24). С. 5-20. DOI: [10.38028/ESI.2021.24.4.001](#).

4. Гарбуз Г. С. Проверка показаний на месте с использованием беспилотного летательного аппарата как средство решения тактических задач по делам о преступлениях, совершаемых в экологической сфере // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21. № 3. С. 97-103. DOI: [10.25205/2542-0410-2025-21-3-97-103](#).

5. Кореньев Б. Утечки в системе видеонаблюдения «Безопасный регион» ставят под удар каждого жителя Подмосковья // Московский монитор, 4 ноября 2024 г.: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://mosmonitor.ru/articles/society/145081utechki-v-sisteme-videonabljudeniya-bezopasnyj/?ysclid=mjzfc665761877473> (дата обращения: 04.01.2026).

6. Скиба А. П. Возможные сценарии развития отечественной пенитенциарной сферы во второй четверти XXI столетия (прогнозирование будущего как основа анализа тенденций и экспертных мнений): тезисы доклада на VII Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» // Правда и закон. 2025. № 4 (34). С. 67–75.

7. Кондрашин П. В. Искусственный интеллект в отправлении правосудия по уголовным делам // Высотехнологическое право: генезис и перспективы: Материалы III Международной межвузовской научно-практической конференции, Москва-Красноярск, 24-25 февраля 2022 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. С. 102-106. EDN: [UUIJRA](#).

8. Вирич Ю. А., Иваненко И. Н. Проблемы внедрения цифровых технологий в гражданское, арбитражное и административное судопроизводство // Вестник экономики и права. 2025. № 106. С. 59-67. EDN: [ТСУАХН](#).

9. Задорожная В. А. Цифровое неравенство в доступе потерпевших к уголовному правосудию: дефиниция понятия // Виктимология. 2022. Т. 9. № 1. С. 40-48. DOI: [10.47475/2411-0590-2022-10904](#).

10. Курбатова С. М. Цифровизация системы правосудия как часть механизма реализации права на законный суд для лиц с ограниченными возможностями // Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах, Казань, 20

сентября 2024 года. Казань: Издательство «Познание», 2024. С. 116-120. EDN: VSIQGR.

11. Розанов О. Кто побеждает в мировой гонке роботов? // Фонд стратегической культуры, 22 октября 2025 г.: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2025/10/22/kto-pobezhdaet-v-mirovoy-gonke-robotov.html> (дата обращения: 04.01.2026).

12. Национальный проект «Средства производства и автоматизации» // Правительство России: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/928/events/> (дата обращения: 04.01.2026).

13. Суд пересмотрел решение по делу об увольнении сотрудника из-за ИИ // РБК, 4 августа 2025 г.: сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/08/2025/689095b59a7947859c7bca49 (дата обращения: 04.01.2026).

14. От «Терминатора» до Ирана: как ИИ дебютировал в войне и стал символом жестокости // Лайф, 17 июня 2025 г.: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://life.ru/p/1761603?ysclid=mk119stzev679786112> (дата обращения: 04.01.2026).

15. Сурабекянц С. «Мы можем ошибиться»: Сэм Альтман признал, что ИИ развивается слишком быстро // 3D news, 10 декабря 2025 г.: сайт [Электронный ресурс]. URL: https://3dnews.ru/1133706/mi-mogem-oshibitsya-sem-altman-priznal-chto-ii-razvivaetsya-slishkom-bistro?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F9f27ddf4-5710-5118-800f-f68d6e2ef86b (дата обращения: 04.01.2026).

16. Законодательная резолюция Европейского парламента от 13 марта 2024 года по предложению о регулировании Европейского парламента и Совета о установлении гармонизированных правил по искусственному интеллекту (Закон об искусственном интеллекте) и внесении изменений в некоторые законодательные акты Союза (COM(2021)0206 – C9-0146/2021 – 2021/0106(COD)) [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/news/en/pressroom/20240308IPR19015/artificial-intelligence-act-meps-adopt-landmark-law?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 04.01.2026).

References

1. Bertovsky L. V. High-tech law: concept, genesis and prospects. *Bulletin of the RUDN University. Series: Legal Sciences*. 2021; 25 (4): 735-749. (In Russ.).

2. Zuev S. V., Maslennikova L. N., eds. *High-tech criminal procedure*. A Monograph. Moscow: Yurlitinform Publ., 2023. 216 p. (In Russ.).

3. Massel L. V. The modern stage of artificial intelligence (AI) development and the application of AI methods and systems in the energy sector. *Information and mathematical technologies in science and management*. 2021; 4 (24): 5-20. (In Russ.).

4. Garbuz G. S. On-site verification of testimony using an unmanned aerial vehicle as a means of solving tactical tasks in cases of crimes committed in the environmental sphere. *Legal science and practice*. 2025; 21 (3): 97-103. (In Russ.).

5. Korenyev B. Leaks in the Secure Region video surveillance system put every resident of the Moscow region at risk. *Moscow Monitor*. November 4, 2024. (In Russ.). Available at: <https://mosmonitor.ru/articles/society/145081utechki-v-sisteme-videonabljudeniya-bezopasnyj/?ysclid=mjzfc665761877473> (accessed: 04.01.2026).

6. Skiba A. P. Possible scenarios for the development of the domestic penitentiary sector in the second quarter of the 21st century (forecasting the future as a basis for analyzing trends and expert opinions). Abstracts of the report at the VII International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, correction". *Pravda i zakon*. 2025; 4 (34): 67-75. (In Russ.).

7. Kondrashin P. V. Artificial intelligence in the administration of criminal justice. *High-tech law: genesis and prospects*. Proceedings of the III International Interuniversity Scientific and Practical Conference, Moscow-Krasnoyarsk, February 24-25, 2022. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University; 2022: 102-106. (In Russ.).

8. Virich Yu. A., Ivanenko I. N. Problems of introducing digital technologies into civil, arbitration and administrative proceedings. *Bulletin of Economics and Law*. 2025; 106: 59-67. (In Russ.).

9. Zadorozhnaya V. A. Digital inequality in victims' access to criminal justice: definition of the concept. *Victimology*. 2022; 9 (1): 40-48. (In Russ.).

10. Kurbatova S. M. Digitalization of the justice system as part of the mechanism for realizing the right to a lawful trial for persons with disabilities. *Digital technologies and law*. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. In 6 volumes, Kazan, September 20, 2024. Kazan: Cognition Publ., 2024: 116-120. (In Russ.).

11. Rozanov O. Who is winning the global robot race? *Foundation for Strategic Culture*, October 22, 2025. (In Russ.). Available at: <https://www.fondsk.ru/news/2025/10/22/kto-pobezhdaet-v-mirovoy-gonke-robotov.html> (accessed: 04.01.2026).

12. National project "Means of production and automation". *Government of Russia*. (In Russ.). Available at: <http://government.ru/rugovclassifier/928/events/> (date of access: 04.01.2026).

13. The court reviewed the decision in the case of dismissal of an employee due to AI. *RBK*. August 4, 2025. (In Russ.). Available at: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/08/2025/689095b59a7947859c7bca49 (accessed: 04.01.2026).

14. From the Terminator to Iran: how AI debuted in the war and became a symbol of cruelty. *Life*. June 17, 2025. (In Russ.). Available at: <https://life.ru/p/1761603?ysclid=mk119stzev679786112> (accessed: 04.01.2026).

15. Surabekyants S. "We can make a mistake": Sam Altman admitted that AI is developing too fast. *3D news*. December 10, 2025. (In Russ.). Available at: https://3dnews.ru/1133706/mi-mogem-oshibitsya-sem-altman-priznal-chto-ii-razvivaetsya-slishkom-bistro?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F9f27ddf4-5710-5118-800f-f68d6e2ef86b (accessed: 04.01.2026).

16. Legislative resolution of the European Parliament of March 13, 2024 on the proposal to regulate the European Parliament and the Council on the establishment of harmonized rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) and amendments to certain legislative acts of the Union (COM(2021)0206–C9-0146/2021-2021/0106(COD)). URL: https://www.europarl.europa.eu/news/en/pressroom/20240308IPR19015/artificial-intelligence-act-meps-adopt-landmark-law?utm_source=chatgpt.com (accessed: 04.01.2026)

Информация об авторах

Бертовский Лев Владимирович, доктор юридических наук, профессор, директор Института висотехнологического права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», г. Москва, Россия, e-mail: bgl1980@yandex.ru

Information about the authors

Lev V. Bertovsky, Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia, e-mail: bgl1980@yandex.ru

Для цитирования

Бертовский Л. В. Высокотехнологичное право: новые горизонты (часть 1) // Журнал Высокотехнологичное право. – 2026. Т. 2, № 1. – С. 51-72.

For citation

Bertovsky L. V. High-Tech Law: New Horizons (Part 1)// Journal of High-tech Law. – 2026. Vol. 2, No. 1. – Pp. 51-72.

Поступила в редакцию / Received 09.02.2026

Поступила после рецензирования / Received after review 24.02.2026

Принята к публикации / Accepted 27.03.2026